

УДК 970/980

И. В. Варивончик

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В США (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.).

Варивончик Иван Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории БГПУ им. М. Танка

Освещаются негативные политические наступления роста социального неравенства в американском обществе в конце XX – начале XXI в. Характерной особенностью этого периода было стремительное увеличение неравенства во владении собственностью и доходами между немногочисленной богатой элитой и остальными американцами, что отрицательно отразилось на состоянии демократии в стране.

На протяжении периода существования США целью прогрессивного развития считалось уравнивание в политических правах граждан независимо от их состоятельности, расы, национальной или половой принадлежности. Современные реалии характеризуются ростом силы и влияния богатой элиты, ее растущим давлением на правительство, ведущей ролью при решении важнейших вопросов социально-экономической жизни, внутренней и внешней политики. Роль в решении этих вопросов не только бедных слоев, или традиционно дискриминированных национальных меньшинств, но и основной части американского общества – многочисленного среднего класса – становится все менее значительной. Параллельно с растущей концентрацией в руках немногих национального богатства и власти происходит сокращение демократической базы существующего политического режима. Именно к таким выводам пришла созданная национальной Американской ассоциацией политологов исследовательская группа из тринадцати ведущих специалистов лучших университетов страны, которая работала два года и представила общественности свой доклад в июне 2004 г. [4, р. 651–666].

Движение за гражданские права в 50–60-е гг. XX в. сделало сегрегацию и дискриминацию афро-американцев в политической сфере незаконной и социально неприемлемой. Законодательство в области гражданских прав утверждало для черных американцев возможность наравне с белыми получать образование, конкурировать на рынке труда, участвовать в политической и общественной жизни. В 60-х гг. успехов в борьбе за уравнивание своих реальных экономических и политических прав с мужчинами добились женщины [24]. Однако, начиная с 70-х гг., ослабнув в одном направлении, социальное напряжение усилилось в другом. Постоянной характеристикой развития стало растущее неравенство в получаемых доходах и владении имуществом, что независимо от используемых методик подтвердили многочисленные государственные и научные источники и исследования. Разрыв, в отличие от того, что происходило прежде, стал нарастать не только между бедными и остальными американцами, но и между малочисленной привилегированной группой высокооплачиваемых менеджеров и профессионалов разного рода деятельности, владельцами корпораций и основной частью американского общества – средним классом, независимо от того были ли его представители белыми, черными американцами, «белыми» или «синими воротничками», женщинами или мужчинами [1–3; 16]. В 2001 г. самые богатые 20% американцев получали 47,7% всех доходов, средний класс, или следующие 40%, – 38,4%, самые бедные 20% американцев – менее 10% всех доходов. Распределение доходов никогда не было пропорциональным. Богатые 20% получали более 40% доходов начиная со второй половины 40-х гг. XX в. В последние двадцать лет доходы бедных и среднего класса росли быстрее, чем у богатых 20%. С 1973 г. обнаружилась прямо противоположная тенденция. Особенно быстро росли доходы самых богатых 5%, еще быстрее – самого богатого 1%. Еще более значительной была дифференциация во владении собственностью. В начале XXI в. 1% американцев обладал 38,1% национального богатства страны [16, р. 57]. Неравенство в доходах и владении имуществом в США стало больше и растет быстрее, чем в других развитых странах Запада. В 1998 г. доля национального богатства, доставшаяся самым богатым, была в 2–3 раза больше, чем во Франции или Великобритании [20, р. 1–39].

Контрастными выглядят сравнения доходов национальных меньшинств. Эра борьбы за гражданские права сопровождалась улучшением благосостояния афро-американцев и латиноамериканцев. Но и к концу 80-х гг. средний доход белых семей был на 62% выше, а имевшиеся в их распоряжении средства в 12 раз больше, чем у афро-американцев. Почти 75% семей черных американцев и половина латиноамериканцев не имели накоплений и свободных средств. По данным Федерального резервного фонда, уровень достояния, всего, чем располагала среднестатистическая семья афро-американцев с 1989 по 2001 г., вырос с 5,3 тыс. до 19 тыс. долл. в год, но был более чем в 10 раз ниже, чем у семей белых американцев – 121 тыс. долл. Черный средний класс в деле обеспечения своих жизненных потребностей находился в наиболее сложном положении, чем белый [13].

К особенностям общественного сознания американцев может быть отнесено то, что они в большей степени, в сравнении с европейцами, готовы мириться с наличием неравенства, рассматривая его не столько как следствие существующих экономических отношений, сколько как результат, полученный от усилий наделенных разными способностями и имевших разные условия индивидов. Но такая «терпимость» американцев имеет определенные ограничения. Они готовы мириться с наличием неравенства, если уверены, что, хотя бы изначально, все имеют равные шансы добиться лучшего для себя и своей семьи [19]. Реальное положение дел, однако, таково, что уровень вертикальной социальной мобильности понижается, число американцев, которые смогут в процессе своей жизни добиться большего, чем их родители, становится все меньше, и нет перспектив ликвидации растущего разрыва между богатой элитой и всем обществом. В таких странах, как Канада, Швеция, Германия, Франция прилагались значительные усилия, чтобы снизить негативное влияние усиления рыночных начал и глобализации на положение населения. Рост социального неравенства в этих странах был несравнимо слабее, а имеющиеся социальные гарантии сильнее, чем в США. Среди развитых стран Запада США прочно заняли место страны с наибольшей степенью социальной дифференциации [10, p. 21; 18, p. 12–25].

Такая ситуация беспокоит общественное мнение и вызывает сомнения в правильности избранного пути развития, порождает критическое отношение к правительству. Как показали результаты национальных социологических исследований, не меньшее беспокойство американцев вызывает связанное с имущественным неравенством неравенство в политическом участии, в возможности представлять свои интересы и получать адекватную реакцию со стороны правительства. С 1964 по 1994 г. доля американцев, которые никогда или редко испытывали доверие к правительству, возросло с 22% до 78%. Рост доверия к действиям правительства после событий 11 сентября 2002 г., когда данный показатель сократился до 46%, сменился новым спадом. В 2004 г. недоверие к правительству питали 53% американцев. С 1964 по 1994 г. доля тех, кто считал, что правительство представляет интересы не большинства, а немногих влиятельных и богатых американцев, выросла с 29 до 76%. Как и в предыдущем случае, консолидация общества вокруг правительства на фоне атаки террористов оказалась недолговременной. Процент тех, кто считал, что правительство занято своими интересами, вырос с 50% до 56%. Исследования общественного мнения 1995 и 2000 гг. показали, что шесть из десяти американцев не доверяли правительству из-за того, что оно было подвержено влиянию мощных лоббистских групп [26].

Эти тревоги имели реальные основания. В США действительно существует неравенство возможностей выразить свою политическую волю. Правящие группировки гораздо более восприимчивы к хорошо организованным группам интересов, чем к нуждам простых американцев. Проводимая политика в меньшей степени, чем в 50-е или 60-е гг. способствует активному участию простых американцев в политическом процессе. Косвенным свидетельством этого может служить падение политической активности американцев. Только одна треть имеющих право голоса американцев принимает участие в промежуточных выборах в конгресс и немногим больше половины голосуют на президентских выборах. На выборах 2004 г. пришли голосовать 60% американцев, но даже этот рекордный с 1968 г. показатель был значительно ниже, чем показатели всех развитых стран Запада. Из 138 стран, где регулярно проходят выборы, по уровню активности США заняли предпоследнее перед Швейцарией место. Голосуют чаще более высокообразованные и более состоятельные [7, p. 703; 17, p. 963–974]. Такая тенденция не объясняется ростом социальной дифференциации, но сама эта дифференциация может ее усилить.

Концентрация богатств в руках немногих сделала возможным увеличение ими вложений капитала в выборы и соответственно большее влияние состоятельной части населения на политику. Понятно, с другой стороны, что участие в политической жизни

требует наличия ресурсов времени, денег, образования, специальных знаний и умений, доступ к которым у богатых американцев – менеджеров, юристов, высокооплачиваемых профессионалов – гораздо шире [22].

Рост социальной дифференциации мог привести к росту политической активности населения. Но многое зависит от представляющих интересы людей партий, других организаций. В этой сфере наблюдается снижение влияния ранее могущественных профсоюзов «синих воротничков», рост количества лоббистских групп, групп интересов, представляющих интересы богатых. Обе основные партии стремятся заполучить именно их поддержку, так как с ростом стоимости избирательных кампаний все больше зависят от их финансовой помощи [21; 23, р. 3–20]. Либеральная часть политического бомонда в лучшем случае концентрирует свой интерес, свою активность вокруг вопросов, волнующих средний класс, но не бедные слои населения. Делается это не столько из желания разрешить стоящие перед средними американцами проблемы, сколько привлечь их на свою сторону на следующих выборах [6, р. 55–57].

Исследования лоббистской деятельности свидетельствовали о том, что те, кто финансировали избирательные кампании, не могли прямо покупать голоса избирателей или диктовать свою волю избранному политику, но имели к ним прямой доступ, могли поднимать интересовавшие их вопросы, влиять на процедуру прохождения законопроектов в конгрессе и законодательных собраниях [9, р. 259–281; 11, р. 797–820; 14, р. 1163–1187; 15, р. 1052–1062]. Специальные исследования американских ученых М. Гиленса и Л. Бартлеса голосований сенаторов и действий правящих администраций показали, что как в сенате, так и в администрации президентов интересы привилегированных слоев населения были представлены непропорционально шире, они постоянно обсуждались и по ним чаще принимались положительные решения [5; 8]. Другое исследование Л. Джакобса и Б. Пейджа констатировало возрастающее влияние крупного бизнеса на затрагиваемые вопросы благосостояния большинства американцев внешнюю политику государства [12, 107–124].

Равенство политических прав граждан, демократически избранное и подконтрольное им правительство всегда были официальными американскими идеалами. Идеалы, которым предлагается следовать остальным странам, пропагандируются и насаждаются везде, где США располагают для того возможностями. Между тем в самих Соединенных Штатах происходят изменения, которые ставят под вопрос широко декларируемые принципы. Яркими тенденциями последних тридцати лет развития стал рост неравенства в получаемых доходах, во владении собственностью, в доступе к ресурсам, позволяющим изменить свое положение к лучшему и способствующим вертикальной социальной мобильности (образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение). Ранее достигнутые эгалитарные результаты общественного процесса подвергаются новым угрозам. Сохранение такого положения в будущем может привести к регрессу американской демократии.

Литература

1. *Варивончик И.В.* Американский средний класс и проблемы социальной дифференциации (80–90-е гг. XX в.). М., 2003.
2. *Варивончик И.В.* Багатія і бідня у сучасній Америці: паглиблене саціяльна няроунасці // Весці БДПУ. 2004. № 3. С. 34–36.
3. *Варивончик И.В.* Рост саціяльнай няроунасці: даходы і ұласнасць у пасляваеннай Америці // Весці БДПУ. 2004. № 4. С. 51–56.
4. *Barber B.* [и др.]. *American Democracy in an Age of Rising Inequality // Perspectives on Politics.* 2004. Nr 2. P. 651–666.
5. *Bartels L.* Economic Inequality and Political Representation. Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Boston, Mass. 2002. <<http://www.princeton.edu/~bartels/papers>> Date of reading: 20.04.2005.
6. *Berry J.* 1999. *The New Liberalism: The Rising Power of Citizen Groups.* Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 1999.
7. *Freeman R.* Working Under Different Rules. A National Bureau of Economic Research Project Report. New York, 2004.
8. *Gilens M.* Unequal Responsiveness. Paper presented at conference on Inequality and American Democracy, Princeton University. November 2003 // <<http://www.princeton.edu/~csdp/events/pdfs/Gilens.pdf>> Date of reading April 20.04.2005.
9. *Gopoian J.* What Makes PACs Tick? An Analysis of the Allocation Patterns of Economic Interest Groups // *American Journal of Political Science.* 1984. Nr 2. P. 259–281.
10. *Gottschalk P.* Inequality, Income Growth, and Mobility: The Basic Facts // *Journal of Economic Perspectives.* 1997. Nr 11. P. 21.

11. *Hall R., Wayman F.* Buying Time: Moneyed Interests and the Mobilization of Bias in Congressional Committees // *American Political Science Review*. 1990. Nr 3. P. 797–820.
12. *Jacobs L., Page B.* Who Influences U.S. Foreign Policy Over Time? // *American Political Science Review*. 2005. Nr 1. P. 107–124.
13. *Kennickell A.* A Rolling Tide: Changes in the Distribution of Wealth in the U.S., 1989–2001 // *Federal Reserve Board*, September 2003. <http://www.federalreserve.gov/pubs/oss/oss2/papers/concentration> Date of reading 2.02.2004.
14. *Kroszner R., Stratmann Th.* Interest Group Competition and the Organization of Congress: Theory and Evidence from Financial Services Political Action Committees // *American Economic Review*. 1998. Nr 5. P. 1163–1187.
15. *Langbein L.* Money and Access: Some Empirical Evidence // *Journal of Politics*. 1986. Nr 4. P. 1052–1062.
16. *Larry M., Bernstein J, Boushey H.* The State of Working America, 2002–2003. Ithaca, N.Y., 2003.
17. *McDonald M., Popkin S.* The Myth of the Vanishing Voter // *American Political Science Review*. 2001. Nr 4. P. 963–974.
18. *Michaels B.* Diversity's False Solace // *New York Times Magazine*. 2004. Nr 11. P. 12–14.
19. *Page B., Shapiro R.* The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences. Chicago: University of Chicago Press. Pierson, Paul. 1993.
20. *Piketty Th., Saez E.* Income Inequality in the United States, 1913–1998 // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. Nr 1. P. 1–39.
21. *Schier S.* By Invitation Only: The Rise of Exclusive Politics in the United States. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2000.
22. *Sidney V., Schlozman K., Brady H.* Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. Cambridge; Mass, 1995.
23. *Skocpol Th.* Voice and Inequality: The Transformation of American Civic Democracy // *Perspectives on Politics*. 2004. Nr 1. P. 3–20.
24. *Skrentny J.* The Minority Rights Revolution. Cambridge; Massachusetts, 2002.
25. *Smeeding T.* Public Policy, Economic Inequality, and Poverty: The United States in Comparative Perspective. Revised version of paper presented at the conference on Inequality and American Politics, Maxwell School, Syracuse University (February 2005). <http://www-cpr.maxwell.syr.edu/faculty/smeeding/pdf/campbell%20paper_5.17.04.pdf> Date of reading 21.04.2005.
26. *Zelikow Ph., King D. C.* Why People Don't Trust Government Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2004.

Summary

The article is devoted to the problems of social inequality in American society on the eve of the 21st century. Growing disparity in the ownership of property and income between the rich, the poor and the middle class are discussed and illustrated. Long term trends in the distribution of wealth, income and property, and negative political consequences of this process are revealed and analyzed.

15.12.05

УДК 947/987

А. Ф. Вялікі

СУПОЛЬНАЯ БАРАЦЬБА БЕЛАРУСКАГА І ПОЛЬСКАГА НАРОДАЎ СУПРАЦЬ ГЕРМАНСКАГА АГРЭСАРА У 1939–1945 гг.

Вялікі Анато́лі Фёдаравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі БДПУ імя М. Танка

Аналізуецца праблема сумеснай барацьбы беларускага і польскага народаў супраць германскага агрэсара ў час Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Беларускі і польскі народы уступілі ў барацьбу з нямецка-фашысцкімі войскамі ў верасні 1939 г., калі пачалася Другая сусветная вайна. З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны беларусы і палякі прадоужылі сумесную барацьбу ў савецкіх партызанскіх фарміраваннях і ў фарміраваннях Арміі Краёвай у заходнім рэгіёне Беларусі. У 1943 г. у СССР было створана Войска Польскае пад камандаваннем З. Берлінга, у складзе узброеных сіл якога на савецка-германскім фронце разам змагаліся беларусы і палякі. У гады Другой сусветнай вайны палякі і беларусы мужа змагаліся і на заходнім тэатры ваенных дзеянняў у Польскай арміі пад камандаваннем генерала У. Андэрска. У айчыннай ваеннай гісторыяграфіі адсутнічае комплекснае аналітычнае даследаванне дадзенай праблемы, таму актуальным з'яўляецца яго напісанне.

Сумесная барацьба беларускага і польскага народаў у гады Другой сусветнай вайны выклікала і выклікае цікавасць даследчыкаў абодвух краін да вывучэння гэтай праблемы.